

О природе и источниках рабства у древних греков: Платон, Аристотель и греческие историки

Татарников Дмитрий Геннадьевич, кандидат исторических наук
Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского

Аннотация. Греческие авторы воспринимали рабство как явление необходимое. Платон отмечает сложность этого явления, а Аристотель формулирует теорию «рабства по природе». Оба философа настаивают, что эллины не должны быть рабами. Древнегреческие историки противопоставляли «древних» рабов – илотов, пенестов и мариандинов – рабам «новым» – купленным за деньги. Плодом мысли древнегреческой историографии можно считать теорию «договорного рабства». Эта теория дополняла теорию «рабства по природе», поскольку все древнегреческие авторы хорошо понимали, что именно насилие и война являются источниками рабства.

Ключевые слова: рабство, теории рабства, греческая философия, греческая историография.

About Nature and Sources of Slavery among the Greeks: Plato, Aristotle and Greek Historians

Tatarnikov Dmitry Gennadyevich, candidate of historical sciences
Saratov State University

Annotation. Greek authors perceived slavery as a necessary phenomenon. Platon regarded a complexity of it, and Aristotle enunciated a theory of “slavery by nature”. Both philosophers insisted that the Hellenes should not be slaves. Greek historians set “ancient” slaves namely helots, penestai and mariandynoi in opposition to so called “new” slaves who was bought with money. The theory of “contractual slavery” can be considered as a creation of Greek historiographers’ thoughts. This theory was an addendum to the theory of “slavery by nature” as far as all the Greek authors understood that it was war and violence that were sources of slavery.

Keywords: slavery, theories of slavery, Greek philosophy, Greek historiography.

М. Финли указывал на очевидный парадокс в истории Древней Греции: «Одна из важнейших черт греческой истории – совместная плечом к плечу поступь свободы и рабства» [3, с. 67]. Цивилизация, созданная древними греками, была рабовладельческой, поэтому, начиная с А. Валлона [11], рабство постоянно находилось в фокусе научных исследований антиковедов. В этой связи надо отметить работы У. Уэстермана [8], Й. Фогта [7], М. Финли [3], И. Гарлана [4], К. Брэдли [1; 2], А.И. Доватура [13] и др. Для понимания разных аспектов рабства в античном мире важную роль сыграли вышедшие в Германии тома из серии «Исследования по античному рабству» (“Forschungen zur antiken Sklaverei”) [16], а в нашей стране – серия монографий «Исследования по истории рабства в античном мире» (1963–1980). Институт рабства рассматривался исследователями как явление экономическое и социальное, а дискуссии велись относительно его роли и значения в экономике и социальных отношениях древности.

В настоящей статье рассмотрим проблему рабства несколько с иной точки зрения. Являясь неотъемлемой частью древнегреческой цивилизации, институт рабства казался древним совершенно естественным точно так же, как нам сейчас существование этого института представляется совершенно противоестественным. Однако никто из политиков, философов или историков древней Греции не считал рабство явлением аморальным и не рассматривал его в качестве «порохового погреба под государством». Иными словами, «естественность» рабства находила некоторое обоснование и оправдание в ментальности греков. В этой связи было бы важно понять, что сами древние писали о

рабстве, как они рассматривали это явление и почему оно казалось им «естественным».

Основной социальной оппозицией древности было противопоставления свободного и раба. Аристотель, рассматривая семью как первичный элемент государства, пишет, что «в совершенной семье два элемента: рабы и свободные» (Arist. Pol. I. 1253b) [9, с. 379]. Возникновение рабства философ объясняет насущной необходимостью, по его мнению, «если бы каждое орудие могло выполнять свойственную ему работу само, по данному ему приказанию или даже его предвосхищая <...> господам не нужны были бы рабы» (Arist. Pol. I. 1253b) [9, с. 380].

Однако очевидная необходимость рабства не объясняет разницы между свободным и рабом. Более того, в уже в античности существовало мнение, что никакой разницы «по природе» между господином и рабом нет, а власть господина над рабом противоестественна, поскольку основана лишь на насилии (Arist. Pol. I. 1253b) [9, с. 381]. Аристотель, признавая, что «колебания во взглядах на природу рабства имеет некоторые основания: с одной стороны, одни не являются по природе рабами, а другие – свободными» (Arist. Pol. I. 1255b) [9, с. 385], тем не менее, формулирует свою известную теорию рабства «по природе» [5].

Философ, считает, что «одни люди по природе свободны, другие – рабы, и этим последним быть рабами и полезно и справедливо» (Arist. Pol. I. 1255a) [9, с. 383]. Для Аристотеля «раб по природе – тот, кто может принадлежать другому (потому он и принадлежит другому) и кто причастен к рассудку в такой мере, что способен понимать его приказания, но сам рассудком не обладает» (Arist. Pol. I. 1254b) [9, с. 382]. Постулируя существования особый

группы людей — «рабов по природе», он причисляет к ней варваров, утверждая, что «варвар и раб по природе своей понятия тождественные» (Arist. Pol. I. 1252b) [9, с. 376]. Теория Аристотеля, — пожалуй, единственная философская попытка, хоть каким-то образом объяснить существование рабства. Формулируя свою теорию, философ исходит из «необходимости» рабства, а значит и его естественности.

На противопоставление свободных и рабов, а также необходимость рабства указывал и учитель Аристотеля — Платон. В шестой книге «Законов» он пишет, что «раз человек — существо с нелегким нравом, то, думается мне, ясно, что он ни за что не захочет добровольно подвергнуться этому необходимому разграничению — на свободных господ и рабов» (Plat. Rep. VI. 776e) [18]. Впрочем, Платон, в отличие от своего ученика, почти ничего не сообщает о несомненных и безусловных критериях «этого необходимо разделения». Признавая, что «многие рабы оказались по своим достоинствам лучше братьев и сыновей своих господ» (Plat. Rep. VI. 776e), философ констатирует два различных подхода по отношению к рабам «люди держатся различных воззрений: одни ни в чем не доверяют породе слуг и делают их души рабскими, воздействуя на них стрелками и бичами, точно это дикие звери, причем совершают это не по три раза, а многократно. Другие же поступают прямо наоборот» (Plat. Rep. VI. 777a). Учитывая подобные противоречия, а еще трудности господства над илотами, мариандинами (*marandynoi*) и пенестами (*penestai*; Plat. Rep. VI. 776d), Платон констатирует, что «вопрос о рабах труден во всех отношениях» (Plat. Rep. VI. 776c) [18].

Однако философ не берется осмыслить рабство как явление. Признавая необходимость рабства и разделение людей, он сосредотачивается на практическом вопросе — как владеть рабами и как их наказывать? (Plat. Rep. VI. 777b). Платон утверждает, чтобы успешно управлять рабами, во-первых, рабы не должны быть соотечественниками, и по возможности должны как можно больше разниться по языку, во-вторых, следует относиться к рабам как можно мягче (Plat. Rep. VI. 777b-e). По мнению философа, «кто в своих привычках и действиях по отношению к рабам окажется незапятнанным нечестием и несправедливостью, тот будет самым достойным сеятелем на ниве добродетели (Plat. Rep. VI. 777e) [18].

Между тем, гуманизм Платона в отношении рабов утилитарен и ограничен, философ подчеркивает «должно наказывать рабов по справедливости и не изнеживать их, как свободных людей, увещаниями. Почти каждое обращение к рабу должно быть приказанием. Никким образом и никогда не надо шутить с рабами — ни с женщинами, ни с мужчинами. Многие весьма безрассудно изнеживают рабов; этим они лишь делают более трудной их подчиненную жизнь, да и себе затрудняют управление ими» (Plat. Rep. VI. 778a). Платон также, как и Аристотель, считает, что рабами должны быть варвары, эллинов же обращать в рабство нельзя (Plat. Rep. V. 468c) [18], правда, в отличие от Аристотеля, он не приводит в подтверждение правоты своего мнения никаких оснований.

Примечательно, что оба философа затрагивают вопрос рабства, рассматривая государственное устройство. Для них это устройство являлось высшей формой социальных отношений, рабство же было неотъемлемой и более того, по мнению Платона и Аристотеля, необходимой частью социальных отношений. Без него они просто не могли представить существование семьи и государства.

Традиция, согласно которой о рабстве говорят, но говорят мало и, главным образом, применительно к другим темам, была продолжена в греческой историографии [12, с. 195-212]. Шестая книга «Пира мудрецов» Афиней сохранила для нас весьма немногочисленные фрагменты из сочинений греческих историков, которые казались темы рабства [10].

Наиболее информативный фрагмент принадлежит Феопомпу (FGrH 115 F 122) [6]. Историк сообщает, что после фессалийцев и лакедемонян, хиосцы были первыми из греков, кто стал использовать рабский труд, правда приобретали они рабов другим способом. Лакедемоняне и фессалийцы учредили сословие рабов из греков, первые, захватив земли ахейцев, вторые — области перребов и магнетов. Попавших в рабство к лакедемонянам греков называют илотами, к фессалийцам — пенестами. Жители же Хиоса сделали своими рабами купленных за деньги варваров. П. Видаль-Накэ совершенно справедливо выделяет в рассмотренном фрагменте ряд оппозиций, хотя эти оппозиции с точки зрения исторической реальности далеко не бесспорны. В области хронологии: «древнее» и «новое» рабство. В этнической сфере: «древние» рабы — греки, «новые» — варвары. В способах приобретения: «древние» рабы завоевывались, «новые» — покупались на рынке [12, с. 195].

Противопоставление архаичных форм рабства новому товарному рабству — это главный сюжет греческой историографии. Основная дискуссия сводилась к вопросу о том, — какая из форм рабства является более предпочтительной. Вероятно, именно в этой связи стоит рассматривать анекдотичные сообщения Посидония из Апомеи (FGrH 87 F 38) [6] и Николая Дамасского (FGrH 90 F 95) [6] о несчастьях, которые обрушились на жителей Хиоса после того, как у них появились купленные за деньги рабы. Апогеем такого исторического анекдота, иллюстрирующего сложности, возникающие при использовании товарного рабства, можно считать рассказ Нимфодора Сиракузского (FGrH 572 F 4) [6] о восстании рабов на Хиосе под предводительством некоего Дримарка.

Не менее интересны исторические анекдоты о происхождении пенестов. По словам Архемаха, когда древние беотийцы под давлением фессалийских племен, решили перебраться в Беотию, часть из них решила остаться на прежнем месте и заключить с завоевателями договор, согласно которому они становились рабами фессалийцев, при условии, что их не убьют и продадут с родных мест (FGrH 424 F 1) [6]. Похожий рассказ о племени мариандинов приводит упомянутый выше Посидоний из Апамен (FGrH 87 F 38) [6]. Он утверждает, что мариандины согласились стать рабами гераклиотов при условии, что они не будут изгнаны с родных мест или проданы на чужбину.

Очевидно, что, стараясь, с помощью исторического анекдота, объяснить происхождение архаичных форм рабства, греческие историки формулируют весьма оригинальную теорию «договорного рабства». Эта теория, родившаяся из объяснения рабского положения пенестов и мариандитов, конечно, весьма условна, также, как и весьма условна появившееся в новое время «теория общественного договора». Однако, теория древнегреческих историков была своеобразным методологическим инструментарием, с помощью которого можно было объяснить рабство вообще как явление. Кроме того, теория «договорного рабства» несколько не противоречила аристотелевской теории «рабства по природе», а лишь дополняла ее.

Выше уже отмечалось спорность оппозиций Феопомпа. Безусловно, «новые» рабы покупались за деньги, но прежде, чем быть купленными, они должны были попасть в рабское положение. Древние хорошо понимали, что насилие — война или морской разбой, в данном случае играли решающую роль. Вспомним Платона, который утверждает, что никто бы добровольно не согласился подвергнуться необходимому разграничению на свободных и рабов. Задолго до Платона Гераклит утверждал, что война одних делает свободными, других рабами [подробнее см.: 14, с. 23-28; 15, с. 89-95].

Аристотель, стараясь сочетать свою теорию «рабства по природе» с неоспоримой ролью насилия при обращении людей в рабство, пишет: «Поэтому и военное искусство можно рассматривать до известной степени как естественное средство для приобретения собственности, ведь искусство охоты есть часть военного искусства: охотиться должно как на диких животных, так и на тех людей, которые, будучи от природы предназначенными к подчинению, не желают подчиняться; такая война по природе своей справедлива» (Arist. Pol. I. 1256a)[9].

В данном контексте стоит привести интересное наблюдение М.К. Мамардашвили, который утверждал, что рабство было во многом ритуальным, а не чисто экономическим институтом. По мнению философа, «скорее уж символическим институтом, хотя бы в том смысле, что для

греков оно проводило границу между готовностью человека в любой момент положить жизнь за свое достоинство и отсутствием этого, но тогда человек — раб» [17, с. 250].

Итак, древнегреческие авторы считали рабство явлением необходимым, не представляли без него социальные отношения и полисное устройство как высшую форму этих отношений. Греческие философы понимали и даже подчеркивали, что вопрос о рабстве сложен, а также приводили в своих сочинениях точку зрения о том, что рабство противостоит естественности и что рабы лишь по закону отличаются от свободных. Желая осмыслить рабство и, вероятно, оправдать его как социально необходимое явление, Аристотель формулирует свою теорию «рабства по природе». Платон же просто сосредотачивается на утилитарной стороне использования рабского труда. Оба философа настаивают на том, что эллины не должны быть рабами.

Древнегреческие историки, рассматривая вопрос возникновения рабства, противопоставляли «древних» рабов — илотов, пенестов и мариандинов — рабам «новым» — купленным за деньги. Плодом мысли древнегреческой историографии можно считать теорию «договорного рабства». Эта теория не противопоставлялась теории «рабства по природе», а дополняла ее, поскольку все древнегреческие авторы прекрасно понимали, что именно насилие и война являются источниками рабства.

Литература:

1. Bradley K. Roman Slavery: Retrospect and Prospect // Canadian Journal of History. 2008. Vol. 43. Issue 3. P. 477-500.
2. Bradley K. Slavery and Society at Rome. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 202 p.
3. Finley M. Ancient Slavery and Modern Ideology. New York: Viking Press, 1980. 202 p.
4. Garlan Y. Les esclaves en Grèce ancienne. Paris: Maspero, 1982. 225 p.
5. Goldschmidt V. La Théorie aristotélicienne de l'esclavage et sa méthode // Zetesis. Milanges E. de Strycker. Anvers, Utrecht, 1973. P. 147-163.
6. Jacoby F. Die Fragmente der griechischen Historiker. Berlin, Leyden: Weidmann; Brill, 1923—1969.
7. Vogt J. Die antike Sklaverei als Forschungsproblem. Akademie der Wissenschaft und der Literatur Mainz, Rundfunk-vorträge. Wiesbaden, 1954. S. 23-29.
8. Westermann W.L. The Slave Systems of Greek and Roman Antiquity. Philadelphia, American Philosophical Society, 1955. XII, 180 p.
9. Аристотель. Политика / пер. С.А. Жебелева // Сочинения: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. 832 с.
10. Афиней. Пир мудрецов. Книги I—VIII / пер. с древнегреч. Н.Т. Голинкевича. М.: Наука, 2003. 656 с.
11. Валлон А. История рабства в античном мире / пер. с фр. С.П. Кондратьева. М.: Госполитиздат, 1941. 661 с.
12. Видаль-Накэ П. Черный охотник / пер. с фр. А.И. Иванчика, Ю.Н. Литвинко, Е.В. Ляпустиной. М.: Ладомир, 2001. 432 с.
13. Доватур А.И. Рабство в Аттике VI — V вв. до н. э. Л.: Наука, 1980. 135 с.
14. Кашцев В.И. Война и понятие справедливости у греков в эпоху эллинизма // Античный мир и археология. Саратов, 1993. Вып. 9. С. 23-50.
15. Кашцев В.И. Эллинистический мир и Рим: Война, мир и дипломатия в 220—146 годах до н. э. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1993. 372 с.
16. Максимова А.Н. Йозеф Фогт и исследования античного рабства в немецкой историографии новейшего времени: Автореф. ... канд. ист. наук. Казань, 1999.
17. Мамардашвили М.К. Лекции по античной философии. СПб: Азбука, 2012. 320 с.
18. Платон. Государство / пер. с древнегреч. А.Н. Егунова; вступ. ст. Е.Н. Трубецкого; коммент. В.Ф. Асмуса; примеч. А.А. Тахо-Годи. М., 2015. 398 с.
19. Платон. Законы / общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. М., 1999. 832 с.